

РУСЬ УГОРСКАЯ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ОПЫТА ГЕОГРАФІИ РУССКАГО ЯЗЫКА (*).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій я имѣлъ честь представить вамъ, мм. гг., мнѣнія свои о географіи русскаго языка, о вопросахъ, входящихъ въ ея содержаніе, о возможности приступить къ систематической ихъ обработкѣ и о тѣхъ матеріалахъ, которые можно уже имѣть въ виду для этой работы. Продолжая разработку матеріаловъ, я успѣлъ сдѣлать нѣсколько начатковъ сведенія ихъ въ одно цѣлое, — и теперь позволяю себѣ передать на предварительный судъ вашъ отрывокъ изъ моего труда, въ надеждѣ, что буду почтенъ замѣчаніями отъ знатоковъ дѣла и найду возможность въ дальнѣйшемъ ходѣ работы избѣгать хоть нѣкоторыхъ изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя не могу не впадать въ дѣлѣ, до нѣкоторой степени новомъ и малоизвѣстномъ.

Не повторяя того, что высказано было мною въ прежней запискѣ (**), я замѣчу, что всѣ вопросы, входящіе въ географію языка, удобно подходятъ подъ четыре разряда:

(*) Читанъ въ общемъ собраніи Общества 29 сентября 1831 года.

(**) Эта записка была помѣщена въ первой книжкѣ Вѣстника за 1831 годъ.

I. Объ области, занимаемой языкомъ: о землѣ и народѣ въ историко-географическомъ отношеніи, о расселеніи народа и вселеніи въ его землѣ иноземцевъ.

II. О языкѣ, въ отношеніи къ его характеристическимъ признакамъ, къ вліянію, которое на него производили мѣстность природы и языки сосѣдей.

III. О народной словесности, какъ произведеніи мѣстности на языкѣ этой мѣстности.

IV. О письменной обработкѣ языка, также, какъ произведеніи мѣстномъ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти вопросы, будучи при-
мѣнены къ географіи того или другаго языка отдѣльно, пре-
вращаются въ вопросы о нарѣчіяхъ, на которыя онъ раздѣ-
лился; что о языкѣ вообще въ его географіи можно говорить,
или предварительно представляя доказательства, почему то
или другое дѣленіе на нарѣчія можетъ быть признано спра-
ведливымъ, или въ концѣ труда, какъ сводъ выводовъ, добы-
тыхъ изъ географическаго разбора нарѣчій.

Считаю необходимымъ изложить здѣсь въ краткомъ очер-
кѣ свои понятія о языкѣ русскомъ вообще, относительно
его дѣленія на нарѣчія.

Состояніе раздробленія на многообразныя мѣстныя нарѣ-
чія и говоры, въ которомъ представляется наблюдателю рус-
скій языкъ въ наше время, есть явленіе болѣе или менѣе
новое. Какъ слѣдствіе отчасти естественной измѣняемости,
которой подчиненъ каждый языкъ, отчасти хода судебъ рус-
скаго народа, оно выражалось постепенно все болѣе. Въ эпоху
его отдѣленія отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, въ эпоху
первоначальнаго образованія русскаго народа, какъ народа
отдѣльнаго, этого разнообразія мѣстныхъ нарѣчій въ немъ
не было. Не было по крайней мѣрѣ на столько, на сколько
оно зависитъ отъ привитія къ языку новыхъ, прежде небы-
вавшихъ особенностей строя и состава. Если въ нѣкоторыхъ
мѣстностяхъ языкъ и отличался, то развѣ только тѣмъ, что
или удерживалъ кое-что изъ древнихъ свойствъ своихъ въ то
время, какъ этого уже не было въ другихъ мѣстахъ, или, на-
противъ того, ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, утратилъ то,

что нѣсколько позже должно было утратиться и всюду. Было еще, можетъ быть, нѣкоторое разнообразіе въ составѣ языка — въ массѣ и употребленіи словъ, въ нѣкоторыхъ привычныхъ выраженіяхъ. Кажется, не болѣе. Были, можетъ быть, нѣсколько отличные другъ отъ друга говоры, но не было различныхъ мѣстныхъ нарѣчій.

Такое состояніе нераздѣльности русскаго языка, какъ одного нарѣчія, немногими чертами отдѣлившагося отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, продолжалось почти до исхода XIII вѣка: памятники русской письменности, оставшіеся отъ этого времени, гдѣ бы ни были писаны, не отличаются одни отъ другихъ такими особенностями языка, которыя можно назвать русскими, — особенности, замѣчаемыя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, являются или какъ слѣдствія вліянія элемента старо-славянскаго церковнаго, или въ переводахъ съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, — какъ слѣдствіе неумѣнья пользоваться русскимъ языкомъ, несвободы или неправильности выраженія.

Въ XIII — XIV вѣкѣ совершился для русскаго языка тотъ кризисъ, въ силу котораго древнія формы должны были пасть, а новыя — получить силу исключительной законности. Останавливаясь на этомъ разграниченіи, для ближайшаго обозначенія котораго можно указать на двадцатые годы XIV вѣка, какъ на время образованія княжествъ Московскаго и Литовскаго и паденія княжества Галицкаго, и припоминая прошедшія перелѣтъ судьбы народа русскаго, можно вспомнить, какъ болѣе важное въ отношеніи къ языку:

Во первыхъ, сближеніе русскихъ Славянъ съ Греками и Норманнами и кромѣ того съ народами финскими — на сѣверѣ и востокѣ, и съ народами татарскими — на югѣ и востокѣ, а съ Нѣмцами и Литовцами и съ соплеменными Болгарами, Словаками, Поляками — на западѣ: это сближеніе не могло остаться безъ вліянія на языкъ русскій.

Во вторыхъ, связи между разными частями русскаго народа скрѣплялись единствомъ верховной власти, которая хотя и раздробилась потомъ на удѣлы, между членами княжескаго рода, но долгое время сдерживала свое значеніе вмѣстѣ со значеніемъ единства всей земли русской. Съ этимъ вмѣстѣ шло въ уровень передвиженіе Русскихъ съ юга на сѣ-